

Г. Мдивани. «Четвертый» К. Симонова, «Гибель богов» А. Софронва, нельзя не выступить против всевозможных «Девушек из Сант-яго», «Пламя Пуэрто-Сорридо», то есть против малохудожественных поделок, спекулирующих на дорогих советскому зрителю темах.

ЧЕЛОВЕКУ свойственно, обращаясь к произведениям искусства, искать в них для себя идеалы. Речь идет не об «инстинкте подражания», не о стремлении почерпнуть для себя «правила и образцы хорошего тона», а именно о нравственных и духовных идеалах.

В театре же, где самые благородные идеи автора доходят до сердца зрителя лишь тогда, когда они естественно и художественно убедительно олицетворяются в человеческих характерах, в живом действии, воспитательная функция искусства прямо и непосредственно зависит от силы и действенности положительного героя. Именно потребностью зрителя в нравственном идеале и стремлением театров дать ему этот идеал и объясняется повышенный интерес многих сценических коллективов страны к инсценировкам крупнейших произведений современной прозы.

Драматургия, как таковая, не предложила в последние годы характеров, равных по своей силе и яркости, по страстности души, темпераменту мысли шолоховским Нагульнову и Давыдову, кочетовским Журбиным, Литвинову и Дюжеву из романа Б. Полевого «На диком берегу», Мартьянову из «Совести» Д. Павловой. И театры поспешили восполнить этот пробел, давая сценическую жизнь героям прозы, полюбившимся миллионам читателей.

Именно в этом корень столь повсеместного обращения театров к инсценировкам, а не в противопоставлении произведений масштабных произведениям камерным. Уже само по себе противопоставление это нелепо. Говоря о масштабности, мы обычно понимаем богатство и значительность содержания, многосторонность отражения действительности, ту внутреннюю емкость, с которой отражает произведение время, запечатленное им. И не о камерности должна в таких случаях идти речь, а о бедности содержания, однолинейности и плоскостности характеров и конфликтов, явном проигрыше произведения и его героев при их соотнесении с действительностью и людьми самой жизни.

Обратимся, к примеру, к последней пьесе Виктора

ТЕАТР.

Лаврентьева «Чти отца своего». По видимости, это семейная драма. Однако можно ли свести ее содержание лишь к семейному разделу Кичиговых или к неудачной попытке шантажа со стороны Гордея Павловича? Да ни в какой мере! Глубокие и густые пласты жизни — и городской, и деревенской — открываются за этой незатейливой на вид, житейской «камерной» историей. Пласты дней — и нынешнего, и вчерашнего, и будущего. В биографии семьи Кичиговых отражается биография народа, по крайней мере тридцатилетний путь его борьбы и свершений.

Так какое же перед нами произведение — камерное или масштабное? Сколь неверны и неплодотворны бывают требования камерности, как таковой, запрещающие отражаться солнцу в океане или даже в озере и подразумевающие лишь его непереносимое отражение в капле воды, столь не верно и неплодотворно отрицать те или иные пьесы лишь за то, что в них меньше двадцати действующих лиц и действие происходит в одной комнате. Не в этом дело, а в степени концентрации явлений народной жизни в произведении искусства, в верности и глубине обобщения и осмысления этих явлений.

Исключительно большое значение приобретает воспитательная функция искусства в пьесах, адресованных преимущественно молодежи. Нездоровые идеи, выдача частных и бедных нравственным содержанием случаев за своего рода нравственный постулат в состоянии оказывать пагубное влияние на молодые, часто еще неокрепшие умы и сердца.

ИНТЕРЕС к человеку, к его духовному миру, порожденный величайшими историческими событиями последнего времени, — это интерес требовательный, взыскательный, предусматривающий своей конечной целью всестороннее духовное и физическое воспитание гармонически развитой человеческой личности. Призванное быть зодчим новых человеческих взаимоотношений в нашем обществе, новых характеров, свободных от скверны собственнического и эгоистического мира, искусство наше все шире и шире разворачивает фронт подготовки к двум крупнейшим историческим датам — пятидесятилетию Октябрьской революции и столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Создание в процессе этой подготовки драматургами нашими и театрами образов величайших гениев революции, образов, обладающих могучей воспитательной силой, — задача первостепенная и наиболее благороднейшая. И то, что в решении ее участвуют не только художники Москвы и Ленинграда, но и всей России, всей страны, вселяет уверенность в ее подлинно творческом, высокохудожественном решении.

Но именно высокохудожественном! Сегодня, как никогда, остро встает вопрос о резком повышении художественных критериев, требовательности каждого художника к себе. Только на этом пути литература и искусство наше, и в том числе драматургия и театр, способны создать творения, достойные нашего времени. Творения, чье художественное совершенство не уступало бы богатству их идейного содержания. Творения, которые были бы способны удовлетворить духовные запросы народа — судьи доброжелательного, но строгого.